
Глава 15.

1910 год

Благополучно прошедший через Государственную думу наш законопроект о реформе налога с городских недвижимых имуществ был назначен к рассмотрению в комиссии Государственного совета. Н. Н. Покровский затащил меня и на ее заседание. Это было первое мое посещение Мариинского дворца после моего ухода из Государственной канцелярии. С тех пор прошло четыре года. Заседание комиссии происходило в выходящем окнами на площадь том самом зале бельэтажа дворца, в котором раньше собирались департаменты старого Государственного совета. Все как будто по-прежнему. Но много новых лиц — члены по выборам. И нет традиционных вицмундиров. Как члены совета, представители правительства, так и чиновники Государственной канцелярии — все в партикулярных сюртуках. В форменных сюртуках одни только военные. Народу набралось много. Говорили по проекту: П. Н. Дурново, В. И. Тимирязев, неведомые мне 2–3 члена совета по выборам. И много говорил известный профессор-криминалист, член Государственного совета, сенатор Н. С. Таганцев — преимущественно по предусматривавшим нарушения проектированного закона карательным статьям. Секретарствовал бывший мой начальник статс-секретарь А. Г. Тимрот. Серьезных возражений не было. Законопроект благополучно прошел через комиссию Государственного совета, что заранее обеспечивало ему одобрение общего собрания совета. Когда мы уходили с Покровским, мы встретили пробиравшегося в зал заседаний нового товарища министра иностранных дел Сергея Дмитриевича Сазонова. Он был недавно перед тем назначен на место Н. В. Чарыкова, отправленного послом в Константинополь. Небольшой рост, солидная лысина, темная бородка клинышком. И громадный семитический нос, приемлемый с фаса, но совершенно непозволительный с профиля. Утрированный тип еврея. Некрасивая, но культурная внешность. Выхоленно чист и приглажен. Элегантный сюртук. Приятный голос мягкого баритонального тембра. Сазонова сопровождал среднего роста сутуловатый блондин в пенсне. «Наш новый заведующий делами Дальнего Востока Григорий Александрович Казаков», — назвал его Покровскому Сазонов. Я слышал про этого умного и талантливого человека по его службе в консульском корпусе в Корее и Японии и «помещая его» в «Сборнике консуль-

ских донесений». Покровский назвал меня. Обменялись любезностями. Раскла-
нялись. Разошлись.

Премьер Столыпин и С. Д. Сазонов были женаты на родных сестрах, урож-
денных девицах Нейгардт, Столыпин — на Ольге Борисовне, Сазонов — на Анне
Борисовне. Единственно этому обстоятельству мало заметный до того времени
Сазонов был обязан своим назначением на пост товарища министра иностран-
ных дел с должности резидента при Ватикане. Выдвигая Сазонова, Столыпин
преследовал две цели — порадовать «свояку», а с другой стороны, внедрить своего
человека в верхи дипломатического ведомства. Столыпину это было нужно по-
тому, что по конструкции правительства министр иностранных дел вел внеш-
нюю политику по непосредственным «указаниям» верховной власти, вернее, по
непосредственным докладам царю, не согласовывая своих действий с Советом
министров¹. Властному премьеру такой порядок был не на руку. Для полноты
власти желательно было подчинить себе руководство такую важную отраслью
государственного управления, как внешняя политика. Поэтому Столыпин меч-
тал о том, чтобы иметь своего человека на посту министра иностранных дел.
С должности товарища министра подвинуть Сазонова до поста министра было
не так уже трудно. Приходилось лишь дожидаться ухода Извольского. Но послед-
ний не скрывал, что только ждал случая, чтобы проситься в крупное посольство.
Запутанный в долгах Извольский почти не выиграл материально с назначением
министром с должности посланника в Копенгагене. Оклад же посла его удовлет-
ворил бы. Все это было известно Столыпину. Он и не ускорял событий, находясь
к тому же в хороших отношениях с Извольским. Со своей стороны Извольский
прекрасно уяснял себе игру Столыпина, не препятствуя ей, поскольку она ему не
мешала и даже могла пригодиться при случае, когда придет время уходить. Са-
зонов был взят Извольским определенно с целью подготовить себе преемника.
Сазонова в роли товарища министра иностранных дел Столыпин имел в виду
использовать для информации о работе дипломатического ведомства.

* * * * *

Проект реформы налога с городских недвижимых имуществ был принят
общим собранием Государственного совета и утвержден царем. Приходилось
спешно выработать инструкцию по применению положения о налоге. Реформа
заключалась в переходе от раскладочной системы взимания налога к системе
окладной. В окладном порядке налог уже много лет как взимался в губерниях
Царства Польского. Надо было воспользоваться накопившимся в них опытом
и практическими приемами взимания налога. Для собрания соответствующего
материала на месте путем совещаний с управляющим казенными палатами и по-
датными инспекторами я был командирован в польские губернии. Наметил себе
для порученного обследования, с одобрения Покровского и Вишнякова, гор<од>
Варшаву как столичный центр, гор<од> Лодзь как центр промышленный, из ря-
довых губернских центров — гор<од> Петроков, близкий географически к Лод-
зи, входившей в состав Петроковской губернии.

Командировка представлялась интересною, да и материально приятною, так
как прогоны по сохранившемуся архаическому порядку исчислялись поверстно

по количеству полагавшихся по чину лошадей, как будто железных дорог не существовало. ^аПо моему тогдашнему чину^а мне полагалось разъезжать на шестерке лошадей. Прогонных, ввиду относительной дальности расстояния, пришлось по расчету на два конца весьма кругленькая сумма. И не обидными были маленькие прогонные^б и копеечные суточные. В конце июня я выехал в Варшаву.

Варшава! Передо мною проносится рой детских воспоминаний. В 1876–77 гг. отец мой был прокурором Варшавского окружного суда. Мы жили в прекрасном доме поблизости к Уяздовской аллее, которая была в то время подлинною аллеею, не застроенною, далеко тянувшеюся к Лазенкам и Бельведеру наподобие широкого почтового тракта. Ничего похожего не было с пышною, утопающею в цветниках авеню с роскошными домами-дворцами Варшавы позднейшего времени. По обе стороны старой аллеи были расположены обширные площадки, использовавшиеся для обучения войск. Я ежегодно шагал по этой чудной аллее, направляясь в Ботанический сад, где играл с хорошенькими беби — сестрами Стааль, впоследствии прославившимися красотой и светскими успехами. Мы делали пироги из песка. Когда он был влажный, прорывали туннели и строили дворцы с башнями. Перед входом в сад сидели за лотками старухи, торговавшие вкусными медовыми пряниками. О Лазенках сохранилось воспоминание как о феерической картинке, вываченной из волшебной сказки — замок в сказочном саду с бассейнами, фонтанами, с перекинутыми через прихотливые каналы в изумрудных берегах горбатыми мостиками. Припоминались цитадель, собор Святого Креста с распростертыми перед папертью девотками (так!), Саксонский сад, людные улицы, цукерни. Вспоминались в передней в нашей квартире два великана-казака в лихо скошенных на головах клеенчатых киверах. Это были конвойцы, сопровождавшие генерал-губернатора Коцебу, приехавшего отдать визит моему отцу и сидевшего у него в кабинете. В квартире по одной лестнице с нами наверху жил герцог Альтенбургский, командовавший гродненскими гусарами. Вспоминалось, как через дверную щелку я наблюдал поднимавшегося к герцогу наследника Александра Александровича, будущего императора Александра III. Он сопровождал приехавшего в Варшаву императора Александра II. Вспоминалась поднимавшаяся чрезвычайная суета по случаю начавшейся войны с Турциею. Все дамы, моя мать в том числе, облеклись в белые передники с нашитым на груди красным крестом. Приготовились ухаживать за ранеными. По вечерам щипали корпию. Появились раненые, а за ними — турецкие пленные.

Я приехал в Варшаву вечером. Остановился в Европейской гостинице в Новом Свете. На следующий день отправился к управляющему казенною палатою почтенному старику — камергеру Александру Алексеевичу Манжосу. Он жил царьком в великолепном казенном доме с тенистым садом, служившем в эпоху самостийной Польши обиталищем польских министров финансов. О моем приезде Манжос был предупрежден департаментом. Сообщена была ему и цель моей командировки. Принял он меня любезно. Обещал созвать на послезавтра под своим председательством совещание варшавских податных инспекторов. На следующий день просил к себе обедать. По моей просьбе взялся устроить мне, по случаю служебной

^{а-а} Вписано вместо: «Я был тогда статским советником. И».

^б По-видимому, здесь в рукописи ошибка — имеется в виду какой-то иной вид довольствия для командированных чиновников.

командировки в губернии Царства Польского, прием у генерал-губернатора Георгия Антоновича Скалона. А пока что повел меня вечером в цукерню с музыкой, где на хорошем французском языке долго распространялся на тему о чарах полячек. Я не мог признать преувеличенными его восторженные похвалы, ибо нет, по моему убеждению, женщин более женственных, нежели польки. А именно в женственности и заключаются женские чары. Припомнилось красивое слово Гейне: польки — ангелы земли; ангелы — польки неба.

Обедая на следующий день у Манжоса в его маленьком финансовом дворце, чествуемый его любезною, но мало интересною старою женою, я залюбовался счастливою резиденциею удачливого старца, привлекательною своею изящною красотою и редко встречаемым комфортом. К невыгоде для Петербурга сопоставил его ужасный климат с ласкающей природою Варшавы, чахлые деревца северных садов с великанами-тополями, тянувшими могучие свои ветки к окнам столовой, в которой мы трапезовали, спокойную уравновешенную жизнь устоявшегося порядка с суматошною сутолокою бюрократического центра, терзавшею нервы, надрывавшею силы, сокращавшею век. И я впал в завистливый грешный соблазн. Как хорошо бы мне было сесть на место старика. Я так замечтался, что плохо слушал своих амфитрионов и отвечал невпопад^а.

<Назавтра> утром ко мне ввалился в мой номер в гостинице толстенький, лысенький, суетливый, подделанный под испанца армянин Богдан Георгиевич Питанов, помощник управляющего Петербургской казенной палаты. Оказалось, что, прослышав о моей командировке, он пожелал присоединиться ко мне и убедил свое начальство в совершенной необходимости его присутствия на устраиваемых для меня совещаниях податных инспекторов в тех видах, чтобы к моменту введения в действие реформированного налога Петербургская палата оказалась на высоте положения, во всеоружии тех данных, которые Питанов почерпнет на совещаниях. В сущности, командировка Питанова была совершенно нелепая. Вооружать инструкционными данными все палаты, а не одну Петербургскую, было обязанностью центра, который и прислал меня собрать необходимый для этого дела материал. Невозможно же было пригнать в Варшаву изучать налог всех управляющих казенных палат в России или их помощников, где таковые имелись. Выделять же одну палату, хотя бы и столичную, не приходилось. Как бы то ни было, Питанов командировку получил, а с нею и прогонные. И можно было ему повеселиться в Варшаве, что я добродушнейшим образом ему и посоветовал, пообещав разделить при случае его веселье. Пока же спешно его направил к Манжосу, чтобы он успел попасть на первое же совещание податных инспекторов, имевшее состояться в тот же день после полудня.

На следующий день состоялось первое наше заседание с инспекторами. Состав податных инспекторов был хорош повсеместно. И в Варшаве оказались люди, прекрасно знавшие свое дело, культурные и симпатичные. В департаменте в числе других налогов я ведал и налогом с городских недвижимых имуществ в губерниях Царства Польского. Поэтому в беседе с податными инспекторами об этом налоге мы понимали друг друга с полуслова. Я приехал ознакомиться с практическими приемами применения положения о налоге. Открыто заявил,

^а Ниже помещается не вошедший в окончательный текст отрывок воспоминаний (один абзац), приложенный к основной их рукописи.

что как чиновник центра практики дела не знаю, и просил присутствовавших поучить меня этой практике. Построенный по принципу польского налога новый общеимперский закон о налоге с городских недвижимых имуществ мы разбирали по статьям и толковали о практических приемах применения каждой статьи в отдельности. Дело хорошо наладилось и пошло скоро. В первое же заседание мы отхватили большое количество статей. Манжос председательствовал умело.

Утром следующего дня я получил записку от Манжоса, уведомлявшую меня, что в тот же день мне назначен прием у генерала Скалона в Бельведере. Заседание совещания с инспекторами переносилось на завтра. Позавтракав в гостинице, я поехал в Бельведер. Проехал чудную, сказочно-роскошную Уяздовскую аллею, по обе стороны сплошь застроенную, на месте прежних пустырей, изящными дворцами. Повсюду за прихотливым узором решеток цветы и цветы, целый водопад цветов. Изяществу аллеи берлинский Tiergarten мог бы позавидовать. В Бельведере я был принят адъютантами Скалона. Специально мною занялся граф Бобринской, брат члена Думы от Тульской губернии графа Владимира Алексеевича, стяжавшего себе известность (кто как умеет ее стяжать) не вынимавшеюся изо рта курительною трубкою. Мы поговорили. Но время тянулось. Перебрав всех общих знакомых, коснувшись всего, что только нашлось между нами общего, мы оказались вынужденными мучительно измышлять новые темы для беседы. Скалон все меня не принимал. Граф Бобринской и я окончательно увяли, устав занимать друг друга. Граф стал от меня убежать, а потом прибегать, постепенно удлиняя свои отлучки. Скалон не принимал. Прошло без малого часа три со времени моего приезда. Наконец принял. Я не встречал более красивого генерала. Очень высокий рост. Внушительная изящная фигура. Красивые черты безбородого, типично гвардейского лица с небольшими усами. Приветствовал меня генерал почему-то на французском языке и на том же языке вел и заключил столь же любезную, сколько кратковременную беседу пожеланием успехов в выполнении возложенного поручения. Я раскланялся и уходил. «А знаете, почему вас так долго заставили ждать? — смеясь, говорил догонявший меня граф Бобринской. — Охрана разыскивала по телефону Манжоса, чтобы проверить вашу внешность: то ли вы именно лицо, которое должно было прибыть. Все опасаются покушения. Манжоса никак нигде не могли доискаться. Наконец нашелся и описал ваши приметы».

Вечером веселились с Питановым и двумя-тремя наиболее предприимчивыми податными инспекторами в кафе-концерте. Со следующего дня продолжали совещания в казенной палате.

* * * * *

Президентом города Варшавы был в это время мой давнишний приятель, сосед по имениу тетушки О. И. Батуриной в Ковенской губернии Александр Александрович Миллер. Привлеченный Столыпиным на службу на должность предводителя дворянства Ковенского уезда, после того как занимавший эту должность Столыпин был назначен ковенским губернским предводителем, А. А. заместил его и на этом последнем посту после назначения Столыпина губернатором. Когда же Столыпин сделался министром внутренних дел и вскоре

премьером, то он провел Миллера на должность варшавского президента и хлопотал ему звание камергера. Я с самого начала, как приехал в Варшаву, отправился к Миллеру, испытывая потребность в обществе близкого человека, притом такого приятного и интересного, как А. А. Миллер, чтобы разделить с ним мои досуги от занятий по командировке. Но оказалось, Миллер уехал за границу за находившеюся там с весны его семьею. Вернулись Миллеры почти накануне моего отъезда из Варшавы для следования далее в Петроков. Все-таки я успел их повидать и пообедать у них. У них оказалась великолепная казенная квартира в здании Варшавского магистрата, только со слишком уже обширными и высокими покоем, поэтому не такая уютная, как у Манжоса, лишенная к тому же поэзии примыкающего сада. Елена Александровна заняла меня, по ее обыкновению, «умственными» разговорами. Александр Александрович был не совсем тот беззаботный и жизнерадостный, каким я его знал и привык видеть на берегах Немана, в богатых преданиями дубравах ласковой Литвы. Что-то понижало его настроение, заботило, угнетало. Не обжились еще Миллеры в Варшаве, не вошли в тесный круг «русской служилой колонии». А окружавшая стихия была определенно враждебная. «Помилуйте, — возмущался А. А., — даже к детям нашим относятся здесь как к зачумленным. Стоит им зайти в Саксонский сад и начать играть с польскими детьми, как сопровождающие детей взрослые, узнав, что наши дети русские, отводят от них своих детей и запрещают им играть с нашими. И такое отчуждение проводится по всей линии. В обязательных официальных сношениях с нами корректны и вежливы, но неизменно холодны. Вне этих сношений — нас систематически бойкотируют. Привыкнуть к такой обстановке трудно. На меня она действует удручающим образом».

Такова была оборотная сторона медали. Пленительная роза таила болезнетворные шипы. Мне, конечно, и ранее было известно отношение поляков к русским в губерниях бывшего Царства Польского. Но я не представлял себе, как мне лишь тогда стало вдруг проникновенно ясно, насколько эта политическая неприязнь являлась повседневным, неустрашимым фактором, отравлявшим жизнь русского, особенно русского должностного лица, в Польше. Мне уже не столь страстно хотелось сделаться преемником Манжоса.

На следующий день рано утром я выехал в Петроков. По приезде, с первых же шагов я был поражен дешевизною жизни в ту пору в этом городе. И красивый оказался город. Чистый-пречистый, с небольшими каменными домами изящной архитектуры типа коттеджей и вилл. Вокруг палисадники. Дома все в белую краску. Хорошие мостовые. Хорошие тротуары. Бедные предместья, кольцом охватывающие город со всех сторон.

Управляющего казенною палатою я застал в зале заседаний палаты, расположившимся за столом, крытым зеленым сукном, с красовавшимся на столе зеркалом. Отдельного кабинета у управляющего за недостатком помещения не было. Управляющий оказался симпатичным и приветливым человеком. Познакомил меня со своими начальниками отделений и со случившимися в палате податными инспекторами. Между ними был один приехавший из Лодзи. Я уговорился с ним о поездке в Лодзь и просил предупредить его коллегу — второго податного инспектора, чтобы он не отлучался из города до моего приезда. В Петроковской палате я наладил такие же совещания с податными инспекторами, как в Варшаве, только по сокращенной программе. Исключались общие вопросы, достаточно

выясненные на варшавских совещаниях. К материалу, собранному в Варшаве, прибавилось много существенных деталей.

В Лодзи на вокзале меня встретил податной инспектор, с которым я познакомился в Петрокове, отвел меня в совершенно неважную гостиницу — лучшую в городе, на громадной квадратной площади, застроенной по краям довольно скверными грязными домами местечкового типа. От нее в одну сторону тянулась длинная лента Лодзь, почти без боковых ответвлений. В другой стороне скупивались фабричные сооружения. Тянувшийся без конца проспект представлял собою специфически торгово-промышленную артерию — дома-магазины, дома-мастерские. Попадались магазины столичного типа в несколько этажей. И, наряду со скверными местечковыми домишками, порою лачугами, высились богатые особняки. Чувствовалась финансовая мощь этих особняков, крупных магазинов и вытянувших вдаль свои трубы больших лодзинских мануфактур. Но наводила уныние неряшливая запущенность проспекта на большем его протяжении и совершенное отсутствие растительности — ни деревца, ни кустика, ни самой жалкой грядки цветов. Бежал трамвай маршрута на Побианицы. Я зашел в два-три магазина мануфактуры и готового платья. Ошеломила баснословная дешевизна товара. В Лодзи вообще все было поразительно дешево. Вечером, после деловой беседы с податными инспекторами (я познакомился и со вторым из них), новые мои знакомцы затащили меня в местный увеселительный сад, разнообразием аттракционов не только не уступавший, но превосходивший петербургские аквариумы, буффы и т. п. Мы сели ужинать. Пили заграничное шампанское. ^аПо сравнению с петербургскими ценами ужин обошелся пустяки^а.

Проведя в Лодзи два дня, я вернулся через Варшаву в Петербург.

Здесь привезенный мною материал мне пришлось докладывать в комиссии, созванной под председательством Вишнякова для выработки инструкции по применению нового положения о налоге с городских недвижимых имуществ. В комиссии принимали участие Тергукасов, управляющие казенными палатами: Киевской — Ласточкин, Одесской — Стрекалов, Ярославской — Иверонов, несколько податных инспекторов *и податных ревизоров* — петербургских и случившихся в Петербурге провинциальных. Материал был рассмотрен, всякие недоуменные вопросы были легко разрешены, и инструкция соображена в мельчайших подробностях.

Новый налог значительно увеличивал мою работу. Я настаивал на усилении личного состава. В сущности, из одного отделения надо было сделать два. Инициатива усиления штата должна была исходить от Вишнякова. Он упрямо уклонялся от каких-либо шагов в этом направлении. Я не мог в этом не усмотреть проявления недоброжелательства лично ко мне. Дело в том, что отношения наши, с внешней стороны совершенно корректные, были в своей основе плачевные. Хотя я этого не показывал, но не переваривал в Вишнякове бездельника, лентяя, самовлюбленную посредственность. Он меня плохо выносил потому, что, в сущности, по его же вине, по никудышности Вишнякова и его лености, Покровский вынуждался вести законодательную работу не с ним, а через его голову непосредственно со мною. Сознывая неестественность такого положения,

^{а-а} Вписано вместо: «С бутылки с нас взяли всего по 3 р. 50 коп. В Петербурге мы заплатили бы по 10 р.».

я всякий раз, как Покровский меня вызывал по какому-либо департаментскому делу, предупреждал об этом Вишнякова. Он не мог поэтому заподозреть меня в интриге, в какой-либо потаенной игре. В конце концов, он был доволен, что отдуваюсь за него я, а он в это время может развлекаться. Тем не менее, за мою работу с Покровским через его, Вишнякова, голову Вишняков на меня злостовал. И злостовал еще потому, что любил подчеркивать иерархические расстояния и любил, чтобы младшие по рангу сослуживцы становились перед ним в почтительную позу. А я признавал дисциплину только деловую, а не в манере себя держать. Тут никаких иерархических расстояний для меня не существовало. И позы мои никакой почтительности не изображали. Если к этому прибавить, что я развязно колебал в разговоре с Вишняковым все им созданные себе авторитеты, то станет понятным, что Вишняков меня в своем сердце не носил. И вот теперь, назло мне, не хотел по моей просьбе сделать то, чего требовала польза дела.

Я обдумывал, как мне реагировать на действия Вишнякова: смириться, войти в конфликт с Вишняковым и апеллировать к Покровскому или уйти. Смириться я не любил. Покровский, великий миролюбец *par excellence*, не любил встречать в конфликты. Уйти — мне больше всего улыбалось.

Всю мою жизнь, когда я переживал какой-либо кризис, мне приходил на помощь заботливый рок. Министерство иностранных дел совершенно для меня неожиданно повторило сделанное мне год тому назад предложение вернуться на его лоно. Заболел рекомендованный мною взамен себя Неклюдов и выходил в отставку. Барон Буксгевден, с разрешения Извольского, которому я был известен понравившеюся ему моею запискою о реформе центральных учреждений министерства, заслал ко мне посредниками для переговоров моих друзей — вице-директора Второго департамента Березникова и уходившего Неклюдова. Я согласился и возвратился в дипломатическое ведомство.

* * * * *

Так уже любопытно складывались для меня обстоятельства в те годы, что стоило мне перейти с одной службы на другую, как я попадал в новое учреждение почти накануне ухода из него нового моего начальства, с которым я так или иначе связывал свою судьбу. В самом деле, когда я поступил в Государственную канцелярию, не прошло двух месяцев с моего назначения, как ушел назначенный министром внутренних дел государственный секретарь Плеве. Не успел я позднее утвердиться в Департаменте окладных сборов, привлеченный в этот департамент его директором Покровским, как примерно через два же месяца ушел Покровский, переведенный на должность товарища министра финансов. На этот раз вслед же за моим переводом в Министерство иностранных дел ушли один за другим Извольский и барон Буксгевден.

Скончался почтеннейший посол наш в Париже Александр Иванович Нелидов. Извольский, который спал и видел сделаться послом, тотчас по получении телеграммы о кончине Александра Ивановича поскакал в Царское к царю и испросил себе немедленное назначение на должность посла в Париже. Министром иностранных дел, как это было предreshено, был назначен Сазонов, что обозна-

чало фактический переход руководства дипломатическим ведомством к премьеру, министру внутренних дел Столыпину.

Товарищем министра на место Сазонова был назначен по его представлению Анатолий Анатольевич Нератов, товарищ Сазонова по лицу, руководивший в должности вице-директора Первого, бывшего Азиатского, департамента делами Ближнего Востока. Должность директора Первого департамента не замещалась после Гартвига, назначенного посланником в Сербию. Впредь до осуществления реформы центральных учреждений министерства, намечавшей разделение Первого департамента на три политических отдела, кредит на содержание директора использовался вместе с другими небольшими ассигнованиями на содержание заведующих делами Дальнего Востока и делами Средней Азии. Заведующим делами Дальнего Востока был Г. А. Казаков, числившийся чиновником особых поручений V класса при министре, а заведующим делами Средней Азии — В. О. Клемм, формально состоявший непременным членом совета министерства. С назначением А. А. Нератова товарищем министра заведование делами Ближнего Востока перешло к вновь назначенному вице-директором Первого департамента старшему сыну покойного посла в Париже Дмитрию Александровичу Нелидову.

Назначение товарищем министра А. А. Нератова нельзя было по всей справедливости не приветствовать в том отношении, что из всех старших чиновников центрального ведомства он был наиболее деловой и притом наиболее опытный и сведущий в делах именно центрального ведомства. Поскольку министром было лицо, прошедшее всю службу, если не считать самых начальных должностей, за границу и потому незнакомое с работой центра и порядками прохождения дел по сношениям с другими ведомствами, в Сенате и в законодательных палатах, такой помощник главы ведомства был совершенно необходим. И не представляло неудобств, что Нератов не проходил заграничной службы. Этот его пробел должен был восполняться предполагавшимся заграничным опытом Сазонова. Нератов, высокий, начинавший лысеть брюнет со скудной бородкою и жидкими усами, отличался завидною ровностью характера с сопутствующими этому ценному качеству уравновешенностью, сдержанностью и спокойствием, не покидавшими его и в наиболее волнующие моменты. В работе был старателен и трудолюбив, в обращении — приветлив и приятен. Если к этому добавить, что это был умный человек, добрый, честный и очень тактичный, получается законченная характеристика человека самых положительных качеств. Нератов по заслугам попал на свой ответственный пост и работал на нем не за страх, а за совесть.

* * * * *

Перед самым назначением Извольского послом была решена поездка царя на свидание с императором Вильгельмом в Потсдам. Царя должен был сопровождать в этой поездке Извольский. С назначением его послом сопутствовать царю пришлось Сазонову².

Потсдамское свидание ложно манифестировало скрепление между Россией и Германиею старых добрососедских отношений. Урегулированы были, в сущности, кое-как лишь вопросы, связанные с экономической экспансией Германии в Азиатской Турции, конкретно — вопросы Багдадской жел<езной> до-

роги. И это послужило основанием к лицемерному заверению сторон, будто ни одна не вступит в комбинацию, враждебную другой стороне. Как будто Россия и Германия не находились уже в союзах, явно противопоставленных друг другу. Не ковали друг против друга мечи! *Миновала лишь острота взаимной травли в печати, общественного негодования, вызванных в Германии изменою России Би-оркскому соглашению, а в России — попустительством Германии, если не прямым подстрекательством к направленной против России и едва не вовлекшей ее в войну аннексии Австро-Венгриию Боснии и Герцеговины.* Нет, жребий был брошен. И не комедиями дипломатического лицемерия было предотвратить последствия ^асоздавшейся международной обстановки^а. События неудержимо и властно нас влекли к неотдаленной уже катастрофе.

И в это же время, помимо ^бтревог, внушавшихся внешнею политическою ситуациею^б, помимо угроз, таившихся в нездоровом, несмотря на наружное спокойствие, внутреннем нашем положении, нарастал еще омерзительный и бессмысленный новый гибельный фактор в нашей государственной жизни. Развратный низкий проходимец, вор и хлыст Распутин, успев настолько приблизиться к царской семье, что сделался в ней своим человеком, начинал протягивать свои воровские руки к самой власти, подчиняя своей темной силе большую истеричную царицу и болезненно неустойчивого царя³. Однако гром еще не гремел. Буря не разразилась. Даже тучи не нависли еще над нами в таящем угрозу их мраке. Лишь прозорливому глазу видны были тревожные темные точки на горизонте. Небо было ясное. Солнце светило. Довольный собою и германским канцлером Бетман<ом>-Гольвегом, возвращался Сазонов из Потсдама в Петербург. Как будто им были одержаны дипломатические победы.

* * * * *

Вступив в исправление своих новых обязанностей еще до отъезда Сазонова в Потсдам, я работал с директором Буксгевденом душа в душу. Все у нас спорилось и ладилось. И были мы друг другом отменно довольны. Идиллическое сотрудничество наше продолжалось, однако, всего какой-нибудь месяц. Буксгевден получил назначение на должность посланника в Копенгагене. Стремясь к освежению центрального аппарата заграничными служащими, Сазонов, проездом через Берлин после Потсдама, пригласил на должность директора взамен Буксгевдена генерального нашего консула в Берлине Владимира Антоновича Арцимовича. Назначение Арцимовича на эту должность было тотчас проведено. Одновременно он был сделан камергером.

Назначение было удачное. Арцимович был прекрасный службист и превосходный практик консульского дела, наладивший у себя в генеральном консульстве порядки образцовые. Надо было насадить такие же порядки во всех вообще частях в значительной степени расхлябанного консульского аппарата. Надо было и подтянуть консулов, в некоторых резиденциях до такой степени забытых

^{а-а} Вписано вместо: «тягчайшего исторического преступления — упрямой глупости в политике».

^{б-б} Вписано вместо: «трагической ложности нашего пути во внешней политике».

центром, что они дошли до крайних пределов беспорядка и распущенности. Обоим этим целям отвечал Арцимович и своим опытом, и отличавшею его большою настойчивостью.

Арцимович вскоре же перебрался в Петербург. Первая моя встреча с ним в департаменте в присутствии других чиновников убедила меня в его изысканной корректности — не больше. Особенность эта была, впрочем, свойственна большинству чинов ведомства. Внешнее впечатление было благоприятное. Правильные черты лица, маленькие седые усики. Гладко выбритый подбородок. Голова седеющего брюнета. Некоторую дисгармонию представляли широкие плечи и грудь, требовавшие несколько большего роста. Живой взгляд. Мягкая, почти женственная улыбка. Порывистость движений, изобличавшая сангвинический темперамент.

Сговорились мы и поняли друг друга при встрече с глазу на глаз в его кабинете. Он был, очевидно, предупрежден о том, в каких целях и видах я был привлечен в министерство. Арцимович с подкупающею искренностью заявил мне, что совершенно незнаком с работою центра, особенно с законодательною работою, приобретенной в последние годы первостепенное значение в ведомстве в связи с назревающею потребностью в ряде реформ. Намечалась, между прочим, генеральная реформа заграничной службы, в продолжение уже внесенной в Государственную думу реформы центральных учреждений⁴. «Незнакомы мне, — добавил Арцимович, — и сношения с другими ведомствами, в первую очередь, с Министерством финансов, от которого зависят наши кредиты. Вы — специалист по части законодательной работы. Работали в ряде междуведомственных комиссий. А в Министерстве финансов вы как у себя дома после того, как долго служили в этом ведомстве. Заключимте союз. У меня много мыслей, основанных на заграничной практике, о том, что нам нужно сделать. Но как осуществить эти мысли, я не знаю. Я буду ими делиться с вами, а вы не откажите облечь их в форму технически правильно построенных проектов и помогите нам провести их в жизнь. Почти лишнее уверять вас, что министерство будет знать, чьей работе оно будет обязано проведением той или иной меры. *Я себе не присвою ни одного вашего труда*». «Как я, — отвечал я Арцимовичу, — никогда не присвою себе вашей инициативы».

Договор был заключен. И честно выполнялся сторонами. Мне пришлось убедиться в том, что, представляя к подписи Сазонова составлявшиеся мною записки, Арцимович с редким благородством называл всякий раз меня в качестве их составителя, не присваивая себе в некоторых случаях и инициативу их составления, так как мне приходилось много работать и по вопросам, выдвигавшимся не Арцимовичем, а политическими отделами. В свою очередь, и я всякий раз, как разрабатывал какую-либо тему, данную мне Арцимовичем, подчеркивал, что авторство этой темы принадлежит ему.

Совместная согласная работа скрепила между Арцимовичем и мною совершенно дружеские отношения. О четырех годах этой совместной работы я храню наилучшие воспоминания. Согласие наше ни разу не омрачилось ничем. И это в тем большей степени примечательно, что добрейший Владимир Антонович, очень легко возбудимый по пламенности своего темперамента, бывал раздражителен, особенно ^акогда у него обострялась болезнь печени, от которой^а он порою

^{а-а} Вписано вместо: «когда, по его выражению, у него “проходили камешки” и».

сильно страдал. С другими сослуживцами бывал в такие минуты неприятен, за что многие, в сущности, неосновательно, его невзлюбили. А мне Арцимовичем прощался даже огорчавший его мой упорный обычай: как только закончу текущую дневную работу, незаметно исчезать из департамента. Другие выжидали ухода Арцимовича. Меня же, бывало, он хватится после 5 часов, а мой и след простыл. Он пенял на меня за это сослуживцам. Но мне лично своего недовольства ни разу не выражал. Зато я много работал, когда того требовало дело, дома по вечерам.

Арцимович был женат на американке, которую пленился в бытность свою консулом в Сан-Франциско. Она была замужем, но неудачно. И имела двоих детей. Браку ее с Владимиром Антоновичем предшествовал пылкий роман. Когда я познакомился с Арцимовичами, я уже не нашел в его жене обоснования былой пылкости ее мужа. Оно было стерто рукою времени. Говорила о нем, пожалуй, привлекательность несколько напоминавшей мать дочери, изящной и душевно милой мисс Мирьям. От Владимира Антоновича у его супруги не было детей. Сын ее от первого брака, столь же неудачный, как его отец, жил где-то в стороне за границею. О нем не принято было говорить. Супруга Владимира Антоновича, хотя и американка, отнюдь не была миллионершей. Жили Арцимовичи скромно. Но умели поддерживать связи в обществе, преимущественно в иностранной дипломатической среде. У жены и падчерицы Владимира Антоновича завязались наиболее близкие отношения с семьей английского посла Бьюкенена.

Николай Николаевич Покровский не рассердился на меня за мой уход из финансового ведомства. Он слишком хорошо знал Вишнякова, чтобы не понимать всех неприятных сторон сослужения с ним, особенно в условиях зависимости от него в служебном отношении. В качестве моего друга Покровский был даже рад за меня моему переходу в дипломатическое ведомство, считая, что с этим переходом для меня открываются перспективы, лучшие ожидавших меня в Министерстве финансов.

Я поселился в маленькой казенной квартире в доме, принадлежавшем Министерству иностранных дел на Морской улице (от Невского по направлению к Исаакиевской площади по левой стороне Морской, второй дом от угла Кирпичного переулка). Было близко к службе — в главном корпусе министерства, представлявшем собою крайнее правое крыло полуциркульного здания Главного штаба, выходящее на Дворцовую площадь, на проезд от этой площади к Певческому мосту и на набережную Мойки. Был у министерства еще третий дом с квартирами для служащих, расположенный на противоположной стороне Мойки за Певческим мостом, через дом от Певческой капеллы. Морская была в ту пору едва ли не лучшей улицей в городе, излюбленным местом для прогулок, средоточием прекрасных магазинов, лучших домов, роскошных зданий банков, местом расположения таких притягательных центров, как «деловой» ресторан Кюба, фешенебельный «Яхт-клуб» с живыми силуэтами великих князей за зеркальными окнами бельэтажа⁵, далее — недавно выросшая громада гостиницы «Астория» и т. д. Наш двухэтажный старой и безвкусной постройки казенный дом являлся пигмеем среди великанов, пятном в узоре соперничавших в красоте архитектурных сооружений. Но жилось в этом доме хорошо. Мне лично в моей маленькой квартирке было тесновато — появились и росли дети. А все-таки было тепло, уютно, а главное, удивительно как тихо и спокойно.